

И.Ф. Горбунов¹

Отрывки из воспоминаний

I

В начале декабря 1849 года на письменном столе в кабинете покойного учителя моего Н.В. Берга я увидел четыре тетрадки, сложенные в четверку, писанные разными почерками. На обложке первой было крупно написано «Банкрот». Это слово зачеркнуто, и под ним тоже крупно: ««Свои люди — сочтемся!», комедия в 4 действиях, соч. А. Островского».

«Какое приятное занятие эти танцы! Что может быть восхитительнее!..» — начал читать я.

Этот монолог охватил все мое существо, я прочитал всю пьесу, не вставая с места.

— Позвольте списать, Николай Васильевич! — обратился я к Бергу.

— Сегодня я должен отдать назад. Островский будет читать ее у Матвея Григорьевича Попова (университетский товарищ Александра Николаевича). Пьеса вряд ли будет напечатана.

В тот же день в обед я пришел к Матвеем Григорьевичу Попову и предложил ему свои услуги переписать пьесу с тем, чтобы один экземпляр оставить у себя. Писал я в то время отлично.

— Вероятно, автор нам это позволит, — отвечал Матвей Григорьевич и тотчас же усадил меня в своем кабинете, дал мне какую-то необыкновенную, глянцевиутую бумагу, на которой писать так же было трудно, как на стекле, тем более что и перья тогда употреблялись более гусиные.

Около восьми вечера в кабинет вошел белокурый, стройный, франтовато одетый (в коричневом, со светлыми пуговицами, фраке и — по тогдашней моде — в необыкновенно пестрых брюках) молодой человек лет двадцати пяти. Набил трубку табаку, выпустил два-три клуба дыму и сбоку, мельком взглянул на мое чистописание.

Это был А.Н. Островский.

— Позвольте вас спросить, — робко обратился я к нему, — я не разберу вот этого слова.

— «Упаточилась», — отвечал он, посмотрев в тетрадку, — слово русское, четко написанное.

Спросил я, впрочем, не потому, что не разобрал этого слова, а просто я горел нетерпением услышать его голос.

В восемь часов в зале началось чтение... До конца, до мельчайших подробностей ведомый мне мир, из которого взята пьеса, изумительная передача в чтении характера действующих лиц произвели на меня неизгладимое до сих пор впечатление.

В течение декабря и января я переписал пьесу три раза и выучил ее наизусть. Она была напечатана в мартовской книге «Москвитянина» 1850 года, но играть ее на сцене не дозволили. Автор был взят под надзор полиции.

— Это вам больше чести, — сказал ему граф Закревский, лично объявляя Островскому распоряжение высшего начальства. Граф Закревский любил произведения Островского. Пьесы «Свои люди — сочтемся!» и «Бедность не порок» автор читал у него в доме.

Надзор был снят по всемилостивейшему манифесту при вступлении на престол императора Александра II.

¹ Иван Федорович Горбунов (1831–1895) — писатель, артист, мастер устных комических рассказов из народного быта. Среди сыгранных им ролей в пьесах Островского наиболее удачна роль Кудряша из «Грозы».

— Позвольте вас поздравить! – с улыбкой сказал Александру Николаевичу квартальный надзиратель, объявляя ему о снятии с него надзора.

— Вас тоже позвольте поздравить с окончанием беспокойств и поблагодарить, что вы меня здрава и невредима сохранили.

Квартальный расшаркался.

— Кажется, мы вас не беспокоили и доносили об вас как о благороднейшем человеке. Не скрою, однако, что мне один раз была за вас нахлобучка.

<...>

С появлением на сцене комедии Островского «Не в свои сани не садись» на московской сцене начинается новая эра. Я был на первом представлении этой комедии. Она была дана в бенефис Косицкой. Взвился занавес, и со сцены послышались новые слова, новый язык, до того не слыханный со сцены; появились живые люди из замкнутого купеческого мира, люди, на которых или плевал с высоты своего невежества Петербургский драматург Григорьев «с товарищи», заставляя их говорить несуществующим, сочиненным, дурацким языком, или изображал их такими приторными патриотами, что тошно было смотреть на них.

Например, в одном водевиле из народного быта мужик поет:

Русских знает целый свет,
Не с руки нам чванство...
Правду молвил я иль нет,

(Обращаясь к публике.)

Пусть решит дворянство.

Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по нескольку раз, вызвала исполнителей. В коридорах, в фойе, в буфете пошли толки о пьесе. Восторгу не было конца! Во втором акте, когда Бородкин поет песню, а Дунюшка останавливает его: «Не пой ты, не терзай мою душу», — а тот отвечает ей: «Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин...» — театр зашумел, раздались аплодисменты, в ложах и креслах замелькали белые платки.

<...>

Под бурю аплодисментов, без апломба, застенчивый, как девушка, в директорской ложе показался автор и низко поклонился приветствовавшей его публике.

<...>